

"ПЕРМСКИЙ КРАЙ — РЕГИОН ЗАПРЕДЕЛЬНОЙ ЖЕСТОКОСТИ"

Новый компаньон

4 февраля 2014 г.

Марина Заббарова: Пермский край — регион запредельной жестокости

Руководитель Следственного управления СКР по Пермскому краю рассказала в программе «Лобби-холл» на телеканале ВЕТТА о том, почему тяжело расследуются дела о коррупции, а также отчего в Прикамье и страдает так много детей

Валерий Мазанов главный редактор ИД «Компаньон»

«Детей губит равнодушие»

— Марина Николаевна, если говорить об итогах прошедшего года — каким он был для вашего ведомства?

— Был, наверное, обычный год. Огорчает, что он ознаменовался страшными преступлениями против детей. Поэтому называть 2013 год «удачным» язык не поворачивается.

— Вы говорите о пропаже Кирилла Усольцева в Краснокамске? Наверное, это было самое тяжёлое для вас дело?

— Да, в первую очередь об этом. С того момента, как я приехала в Краснокамск и до сегодняшнего дня следствие не продвинулось ни на шаг.

— Но вы будете продолжать поиски?

— Мы будем продолжать поиски до тех пор, пока не найдём Кирилла Усольцева. Сколько бы времени это ни заняло, даже если это будут годы.

— Однако это было далеко не единственное преступление в отношении детей. По вашей

оценке, ситуация в Пермском крае в этой сфере тяжёлая?

— Да, очень тяжёлая: 585 потерпевших за 2013 год, 100 изнасиловано, 17 убито. Это просто чудовищно. Посмотрите, какие зверские убийства были в 2013 году! Год начался с дела Насти Сметаниной. Потом был замучен голодом ребёнок в Индустриальном районе Перми. Закончили год двумя изнасилованными и убитыми маленькими девочками. В Свердловском районе была изнасилована трёхлетняя девочка. При этом опять мы зафиксировали рост. Хотя куда дальше катиться?

Причём обратите внимание, что у нас практически нет таких преступлений, как в классическом «ужастике»: ребёнок идёт по улице, его кто-то хватает и куда-то тащит. Есть и такое, конечно, но это единичные случаи. В основном у нас дети становятся жертвами в своей семье. Жертвами пьяных сожителей, случайных собутыльников, соседей. Ближайшие родственники насилуют своих племянников, даже собственных детей.

— Все ли преступники понесли наказание?

— Да. Меня очень радует, что все преступники понесли наказание. Не раскрыто только одно преступление. Это Кирилл Усольцев.

— На ваш взгляд, что нужно сделать, чтобы хотя бы остановить этот рост?

— Законодатель уже принял необходимый комплекс мер для того, чтобы ситуация входила в нормальное русло. Мы вернулись к старым, забытым методикам, которые работали в Советском Союзе.

Например, административный надзор. Это хорошо работает, потому что человек, освободившийся из мест лишения свободы, находится под наблюдением участкового полиции. Это и сроки, которые получают обвиняемые в насилии против детей — 17, 20 и 25 лет. И слава богу, что общество избавлено от них на такой срок. Это и возможность лечения таких людей. Услышаны рекомендации медиков, и педофилия признана болезнью. Мы теперь проводим экспертизы, и если человек признан больным педофилией, его будут лечить. И есть надежда, что он выйдет уже без этого пагубного пристрастия. Потерпевшие в соответствии с новым законом будут знать, когда преступник выйдет на свободу. Все это сделал законодатель. Это будет работать, но нужно время.

Нам надо развивать органы опеки и попечительства. Здесь тоже, наконец, появилось положение закона, признающего органы опеки государственными служащими. Ранее эти услуги были отданы в концессию, услуги оказывали, по сути, коммерсанты. Люди требовали привлечь органы опеки к ответственности, а мы не могли этого сделать. Теперь они будут нести ответственность.

— На вашем сайте можно увидеть телефон горячей линии «Ребёнок в опасности». С чем обращаются граждане? Многие ли звонят?

— Нет, звонков не много. Но звонят, и это очень радует. Например, рассказывают, что они заметили, как в соседней квартире обижают ребёнка. Наши граждане стали, наконец, на это реагировать, и я считаю, это прорыв.

— Вообще на сайт СКР, в интернет-приёмные часто поступают сообщения или жалобы?

— Все интернет-приёмные работают очень оперативно. Мой рабочий день начинается с того, что я изучаю: что нам прислали через интернет или о чём позвонили. Мы моментально на это реагируем, подключая и прокуратуру, и полицию, и органы опеки.

Не надо бояться, что вы ошибётесь. Лучше пусть люди беспокоятся и сообщают нам. Пусть лучше информация не подтвердится, но мы проверим. Тогда дети не будут умирать у нас от голода и холода в закрытых квартирах. Ведь как показывает практика, детей губит равнодушие.

— В вашем ведомстве работает приёмная федерального руководителя Следственного комитета РФ Александра Бастрыкина. С чем идут туда люди? Может, чтобы на вас пожаловаться?

— Она и открыта для того, чтобы пожаловаться на меня. Правда, приёмная работает уже несколько лет, но пока ни одной жалобы или обращения не было. Дело, наверное, в политике Следственного комитета в целом.

Единственный федеральный чиновник, который ведёт приём граждан, — это Александр Иванович Бастрыкин. Каждую неделю я или кто-нибудь из моих заместителей ведут приём в каком-либо районе Пермского края. За год мы объезжаем все районы. Мы знаем, что не всякий человек, особенно в возрасте, может написать заявление или обратиться к нам через интернет.

— Это такой пиар-ход, демонстрация открытости или работа приносит реальную пользу?

— Работа приносит реальную пользу. В первое время, когда мы начинали такие выезды, было около десятка заявлений с жалобами на моих подчинённых. Сейчас крайне редко бывают жалобы на моих следователей. В последнее время я, в основном, даю консультации, помогаю правильно оформлять заявления. Возвращаюсь из поездок с ворохом писем от граждан и предлагаю коллегам из других ведомств заняться их проблемами. Я же юрист, должна выполнять и эту функцию.

Да и вообще — я принимаю, я совершенно открыта. Ко мне легко попасть, принимаю

по предварительной записи. По пятницам принимаю вообще всех желающих.

— Большая очередь выстраивается?

— Поскольку легко попасть — очередь никогда не выстраивается.

«У нас не стыдно быть коррупционером»

— Минувший год лично для вас ознаменовался тем, что с вами был продлён контракт, ваши полномочия были продлены ещё на пять лет. Вы ставите перед собой какие-то задачи на эту пятилетку?

— Следователи не ставят целей на пятилетку. Будем работать. У нас нет никаких целевых показателей, нет никакой «палочной» системы. У нас одна задача: раскрывать тяжкие и особо тяжкие преступления.

— К таким преступлениям относятся убийства, изнасилования, налоговые преступления, коррупция и преступления в отношении детей, экономические преступления. Это довольно широкий круг ответственности и полномочий. При этом у вас — ограниченный штат. Нагрузка на ваших сотрудников адекватна?

— Нет, она выше нормы. Ни для кого не секрет, что мы в криминогенном плане очень тяжёлый регион с большим весом особо тяжких преступлений, даже несмотря на некоторое снижение в последнее время этого показателя.

Пермский край — регион запредельной жестокости. Такого в принципе в России нет нигде.

— Если вы ставите такой диагноз, должны быть и методы лечения. У вас есть предложения, как можно снизить эту «запредельную жестокость»?

— По крайней мере, я вижу причины. У нас утрачены традиционные ценности. Часто не работает материнский инстинкт. Идёт алкоголизация и деградация населения. Огромная безработица. В последние годы мы вырастили целое поколение нахлебников, которые считают, что им всё должны дать, что они на всё имеют право.

— Ещё одно тяжёлое направление вашей деятельности — это расследование дел по коррупции. Один из федеральных руководителей вашего ведомства не так давно сказал, что реальная коррупция в тысячи раз больше, чем это фиксируется официально. Можете пояснить, почему не можем обозначить реальный объём коррупции и наказать коррупционеров?

— Наказать-то коррупционеров мы можем. Но мы никуда не продвинемся, поскольку у нас в стране не стыдно быть коррупционером. Посмотрите, все наши коррупционеры в медийном пространстве получают премии как выдающиеся общественные деятели, они по-прежнему занимают свои рабочие места.

Вспомните, чем закончилось дело по Кудымкарскому драмтеатру. Это показательный пример отношения общества к коррупции. Вначале фигурант дела был осуждён за то, что истратил непонятно куда 41 млн руб. Кудымкарский суд назначил ему наказание в виде штрафа размером 100 тыс. руб. Что произошло дальше? Он по-прежнему остался на своей должности и занимался своей работой, пока мы не взяли его с поличным на взятке в 11 млн руб. В самом деле, не страшно ведь брать дальше, если тебе за 41 млн руб. дают 100 тыс. руб. штрафа и ты продолжаешь работать.

А какую позицию в этом деле заняли СМИ? Они начали шельмовать потерпевших. Тех самых людей, которые заявили нам, что у них вымогают взятки. Которые сотрудничали с судом и следствием...

— Вы говорите про депутата Законодательного собрания Андрея Маркова?

— Да. Человек прошёл с нами весь этот путь. Он был одним из немногих, кто сказал: «Ну всё, достало!» и пришёл к нам. Тем самым, по сути, выполнил свой гражданский долг. В результате в СМИ вытаскивали и полоскали всё его грязное бельё, и почему-то никто не пишет о том, что люди, которые 15 лет не могли построить театр за 1 млрд руб., — коррупционеры. А про тех, кто не побоялся пройти этот тяжёлый путь, чего только не писали.

Как после этого мы можем обращаться к гражданам с призывами не молчать, не терпеть, а сотрудничать со следствием? Они посмотрят на эту историю и задумаются: а что я получу от этого, кроме угроз, оскорблений? Я уж не говорю про проблемы с бизнесом. Вот и всё отношение общества к коррупционеру, вот и вся борьба с коррупцией...

— Когда вы говорите «общество», приходится вспомнить и о том, что представитель общества в данном случае — ещё и суд. Суд назначает такие мягкие наказания, а то и отпускает фигурантов уголовных дел. Часто получается, что ваши следователи занимаются каким-то делом, тратят на него много сил, а потом суд назначает очень мягкое наказание или вообще освобождает подсудимого от ответственности. Вам не обидно?

— Нам обидно. Но принцип следствия такой: мы никогда не комментируем судебные решения. Я юрист и должна принимать судебное решение, вступившее в силу, таким, какое оно есть.

Кстати, как только мы все в России этому научимся, у нас станет намного легче жить.

— Давайте поставим вопрос иначе. Часто приходится слышать мнение, что наши законы и правоохранные процедуры намного больше защищают подозреваемого, чем потерпевшего. Вы согласны с такой оценкой?

— Я согласна с такой оценкой. Единственное позитивное в этом то, что наша Государственная дума прислушивается к мнению профессионалов. Несколько лет по инициативе Следственного комитета в буквальном смысле пробивались законопроекты, направленные на защиту прав потерпевших. В декабре 2013 это произошло. Теперь у потерпевшего очень много прав. Если следователь и потерпевший разумно воспользуются новым федеральным законом, потерпевшему будет намного легче.

Это революционный закон, который почему-то остался незамеченным. Там очень много новшеств.

Например, суд присяжных в отношении преступлений сексуального насилия над несовершеннолетними, наконец, отменён. Это было совершенное безумие, когда искалеченный, измученный ребёнок должен давать показания в присутствии 12 присяжных. Это было просто невозможно.

Ребёнок не может давать показания чужим людям. Мы знаем, что это такое. Мы работаем с этими детьми. Мы часами в щадящей обстановке с использованием особых методик, психологов, игрушек, пытаемся получить хоть какую-то достоверную картину от ребёнка. В результате он должен предстать перед судом, где сидят совершенно незнакомые люди, не всегда доброжелательно настроенные. Ещё непонятно, когда он получал большую травму: когда над ним совершали насилие или когда он прошёл все эти юридические процедуры.

Теперь же можно будет не приглашать ребёнка в суд. Всё, что добывается на стадии следствия, фиксируется. Можно будет просто воспроизвести в суде видеозапись.

В новом законе есть и про работу СМИ. Теперь категорически нельзя не только называть фамилию потерпевшего ребёнка, но и говорить, с какой степенью жестокости было совершено преступление, рассказывать подробности. Сотрудники СМИ, распространяющие подобную информацию, будут привлекаться к уголовной ответственности.

— Разделение прокуратуры и Следственного комитета произошло довольно давно, но до сих пор приходится слышать, что есть конфликты, трения, службы «конкурируют» друг с другом. В Пермском крае существуют какие-то противоречия между Следственным комитетом и прокуратурой или МВД?

— Между Следственным комитетом и МВД не может быть никаких противоречий, потому

Официальный сайт
Следственное управление
Следственного комитета Российской Федерации
по Пермскому краю

что задача МВД — обеспечивать деятельность Следственного комитета в плане раскрытия преступлений. Здесь у нас ничего не менялось. Как мы вместе работали, так и работаем.

Прокуратура же ставит заключительную точку в наших делах. Безусловно, осуществляя контроль над нами, она не всегда принимает те решения, которые бы нас устраивали. Но это нормальный рабочий процесс. Мы представляем уголовное дело с анализом доказательств, прокурор может счесть, что их недостаточно. В таком случае мы совершенно бессильны.

Поэтому, когда говорят, что прокуратура утратила свои полномочия, больше не работает — это совершенно не так.

— Вы говорили, что жалоб граждан на ваших сотрудников почти нет. Означает ли это, что при приёме на работу к потенциальным сотрудникам СК есть какие-то «запредельные» требования? Что для вас самое главное, когда вы подбираете сотрудников?

— Для меня самое главное — мотивация. Зачем человек идёт работать следователем? Точно не за зарплату. Она у нас не такая большая. До недавнего времени из правоохранительных структур мы получали меньше всех.

Требования действительно очень высокие. Например, мы очень редко берём к себе сотрудников полиции — только если они недолго там работали, потому что есть определённая деформация, которая не позволяет перестроиться.

К нам идёт та очень небольшая прослойка молодёжи, которая хочет добиться справедливости, кому интересен сам процесс расследования, установления преступника и привлечения его к ответственности.

Мы ищем таких ребят и находим. Слава богу, они есть.

<http://www.newsko.ru/articles/nk-1304296.html>

04 Февраля 2014

Адрес страницы: <https://perm.sledcom.ru/folder/877097/item/1007008>

Официальный сайт
Следственное управление
Следственного комитета Российской Федерации
по Пермскому краю
